

САМИЗДАТ ВЕКА: ЮРИЙ КАРАБЧИЕВСКИЙ

1997 N21

Трагическая фигура, критик, поэт, прозаик, он тоже был - там - в колодце времен, в пятидесятых, в клубе "Факел". Печататься он стал поздно, уже в канун перестройки, а жил и кормил семью, как кибернетик и математик. Где Юрий работал я не интересовался, но знаю, что он ездил в командировки по всей стране, в частности, в Армению нередко. Снова мы встретились уже в другом сообществе, среди писателей, так

сказать, участников самодеятельного альманаха "МЕТРОПОЛЬ" в 1979 году. Это был бунт против литературного начальства, против системы. И Юрий Карабчиевский был в рядах бунтарей. Лысоватый характерный череп, глубоко запавшие большие армянские глаза и неугомонный характер. Книга, которая прославилась его, "Воскрешение Маяковского", тоже была своеобразным бунтом. Мягкий лирик и реалист он прояснил в ней экспрессивную и

агрессивную суть поэта и не принял ее. Мне кажется, потом он сам долго сомневался в своей оценке и мучился, что ему выпала такая неблагодарная роль. Но ведь надо же было кому-то развенчать идола! Вот история и выбрала его.

Потом был Израиль, и все по-прежнему было неблагополучно. Он решил в одночасье - сам ушел из жизни. Это был красивый человек.

ГЕНРИХ САПГИР

* * *

Москва пропахла
потом и духами,
стихам и клятвам
позабыла счет.
Она стоит
в слепом июльском гаме,
как женщина
с красивыми ногами,
усталая,
не старая еще.
И мчатся ли троллейбусы
с жужжаньем,
скрипят ли в переулке
тормоза -
я обречен
с угрюмым обожаньем
смотреть
в ее спокойные глаза.
И что бы ни случилось:
рев команды,
рывок вначале
и удар в конце,
полоска
полустершейся помады
не шевельнется
на ее лице
1965

* * *

Я проеду-пройду по Сущевскому
валу
мимо прошлых занятий и бывших
событий.
Изменяется к лучшему мало-
помалу
мир, шипучий и мутный, как пена
в корыте.

Где квартиру сдававший на час
человечек?

Где Полковник, просивший
полтинник за щетку?

Или Витька Печенин, в
предпраздничный вечер

возле бани сплеча
отбивавший чечетку?

4

Все пропало. Окончился дьявольский
праздник.
Только тихая баня дымит по старинке.
Да натужливо крикает мой
одноклассник -
коренастый мясник на Минаевском
рынке.
1967

* * *

Пока на Трубной не растаял снег,
не закипел дождем по тротуарам;
пока последний встречный человек
не показался сгорбленным и старым;
пока слепая временная ось,
наш гордый дух расходуя в избытке,
не удлинилась так, чтобы пришлось
в далеких днях искать свои пожитки;
пока все это не произошло -
поторопись и поверни направо,
туда, где стены - битое стекло
и где забор - зеленая отравка.
Вот этот дом! Попробуй на куски
рассечь его. Увидеть в каждом слое
тоску его. Вобрать в свои зрачки
нутро его, усталое и злое.
Ну что? Ну водка. Туфли на плите.
Ну запах слез. Привычка к
униженью...
Ты видишь сам, что в этой тесноте
нет места твоему воображенью.
И все твои прилипчивые сны,
все - убедись - ничто. Пока не
поздно,
взгляни еще, взгляни со стороны,
и воздух этой улицы тифозной
вдохни. Почувствуй бронхами,
насквозь
усталость вида и погоды скверность
Пока слепая временная ось
не вынесла тебя - в
недостоверность...
1957

СОН

Эта улица так же узка,

как твоя голубая рука.

Этот дом, и забор, и крыльцо -
как твое неживое лицо.

Не войду, а взлечу в вышину
и прильну к голубому окну,

успокоивши душу сперва:
"Ты мертва, - я скажу, - ты
мертва..."

Но за стеклами, в комнате той -
золотой и зеленый настой,

тяжесть лиц, и еда, и питье,
и над ними - живое, твое...

Заорать в этой страшной гульбе:
- Я жестоко ошибся в тебе! -

захочу. Но забуду слова.
Ты жива, - прошепчу, - ты жива!
1967

ЕВРЕЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Мой приятель, Володарский Сема,
выглядел светло и невесомо,
жил с отцом и матерью в каморке,
с форткой, выходявшей на
задворки.

Он любил играть на мандолине,
раз в неделю приходил к Галине,
пил чай и поедая варенья
и не к месту ставил ударенья.

А отец его был очень старый,
знал гипертонию и катары,
знал впридачу, кто такие: Будда,
Боткин и Менухин Иегуда.

Говорил он с нами без оглядки,
задавал нам мудрые загадки,
вспоминал попутно то и это,
никогда не требовал ответа.